

Наталья Ланге

ЛИОН-2014: ПОБЕДЫ И ИХ ИЛЛЮЗИИ

Фестиваль современного танца в Лионе *Biennale de la Danse* – один из самых авторитетных и масштабных в Европе. Но даже при такой серьёзной репутации афиша этого сезона поражала обилием событий и разнообразием форм – от хип-хопа, пластических экспериментов Джеймса Тьере и цирка до произведений таких корифеев современного танца, как Маги Марен, Уильям Форсайт и Иржи Килиан. Один-два спектакля уровня *ViT* Маги Марен или «Кармен» Дада Масило уже сделали бы фестиваль незабываемым. Но таких событий было гораздо больше.

Чернокожая Дада Масило из ЮАР – воспитанница школ современного танца Европы, с юности восхищавшаяся «Кармен» великого шведа Матса Эка, допустившая в свой лексикон лёгкий намёк стилистики фламенко, – поставила со своей труппой *Dance Factory* настолько оригинальную версию классического сюжета, что даже искушённый зритель боялся пропустить малейший нюанс и неожиданные повороты.

Сама Дада Масило исполняет Кармен с такой животной грацией, неотразимой сексуальностью, откровенностью на грани цинизма, что другой Кармен после неё просто невозможно вообразить. Изящная, миниатюрная, с длинными руками и неистовыми волнами линий тела, яростная, гибкая, жестокая, с бритым черепом, украшенным алым цветком, матерящаяся, кричащая, глухо бьющая по сцене голыми пятками, отбивающая ритм звонкими, как пощёчины, ударами ладоней, бесстрашная, развращённая, циничная, женственная... Главный вопрос спектакля: кто доминирует – мужчина или женщина?

Врождённая дикая грация чернокожих танцовщиков великолепна. Единственный среди них белый – Хосе, и это подсознательно отсылает зрителя к «Вестсайдской истории». Танец женщин в ярких юбках – точный,

Фото: John Hogg

синхронный, откровенный – сменяется любовным дуэтом Хосе и его невесты на мотив «Хабанеры». Брутальный мужской танец близок к стрит-дансу, выход проститутки натуралистичен. На этом фоне Кармен соблазняет Хосе и, провоцируя, дарит ему розу. А он сначала почти грубо отвергает её. Но Кармен, дразня, маня, играя, добивается своего: в кругу отрешённых мужчин происходит долгое, плавное, безумно красивое совокупление любовников – тела сплетаются в танце, обвивая друг друга руками, ногами, срастаясь кожей. И тогда он отвергает невесту, которая разыскивала его в казармах, отбиваясь от возбуждённых солдат.

Игра Кармен проста и цинична: получив желаемое, она теряет к своей жертве всякий интерес. Теперь она охотится на тонкого, юного Тореро, чья сексуальность явно не по её части. Он эффектно обращается с плащом и скрывается под ним с Кармен. Хосе отчаянно пытается вернуть её, но полу-

чает в ответ розу, в сердцах брошенную ему в лицо. Чернокожий клан изгоняет чужака. И тогда хореограф предлагает самый простой и достоверный ход событий: Хосе, чтобы доказать своё превосходство и отомстить за оскорбление, жестоко и безысходно, под удары и рыдания, насилует её, прекрасно понимая, что в этом – его безвозвратное поражение. Очень тонкая оценка мужской психологии: просто так отпустить Кармен выше его сил. За иллюзию победы белый мужчина дорого платит: Тореро вызывает его на бой – и в этой картинной и неестественной дуэли Хосе погибает, прося прощения у поруганной женщины. И у зрителя не возникает даже мысли оспорить этот финал.

Столь же сильные впечатления оставляет новый опус Маги Марен *ViT* (название отсылает к единице измерения объёма информации – биту) – малонаселённый, но глубокий во всех отношениях. Постановщика волнуют трагические противоречия окружающей жизни, кризис отношений, моральный беспредел, безнадежность мира... Всё это облекается Маги Марен в фор-

му почти гротескную.

Хореография поначалу представляет собой гибрид греческого сиртаки и еврейского танца, но потом темп становится всё быстрее, ритм – всё бешенее и жёстче, движения по наклонным плоскостям всё рискованнее и абстрактнее. Освобождаясь от цивильных костюмов, артисты постепенно раздеваются и вступают во взаимодействие, призванное аллегорически охарактеризовать всё, что отравляет современное человечество: равнодушие, жестокость, потребительское отношение к миру и человеку в этом мире, цинизм, насилие, алчность. Спектакль Маги Марен (при весьма аскетичной внешней форме и идейной заострённости) выражает её отношение ко всем смертным грехам и намерение подчеркнуть их неистребимость. Ритмичный танец актёров в будничной одежде сменяется аллегорией – обнажённые тела, задрапированные в ткани, как на картинах Страшного суда Микеланджело, медленно соскальзывают с деревянных настилов. Но эта почти поэтическая

Фото: Christian Ganet

сцена выливается в исступлённую оргию с совокуплением всех со всеми – мужчины с женщинами, мужчины с мужчинами, женщины с женщинами. Идея свального греха, повязавшего человечество, как кровью, не нова, но устрашающе убедительна. Для Маги Марен нет запретных тем, будь то секс, политика или религия. Представителям католической церкви от неё достаётся, пожалуй, больше всего. Монашеские рясы скрывают развращённые тела и души: сначала по доскам лётся река золотых монет, затем в неё «ныряют» священники, потом они предаются плотским удовольствиям – нет правды на земле, но нет ее и выше. Появившиеся откуда ни возьмись парки прядут нить человеческих жизней, а пары в коктейльных платьях и смокингах, путаясь в одежде и спотыкаясь на каблуках, взбираются по наклонным плоскостям. Замедленность движений пребывает в контрапункте с настойчивым ритмом музыки. Неутомимые артисты, дойдя почти до экстатического состояния, взбираются на самую верхнюю точку помоста и поочерёдно обрушиваются оттуда в чёрную бездну. Таким образом, Маги Марен не оставляет человечеству никаких шансов.

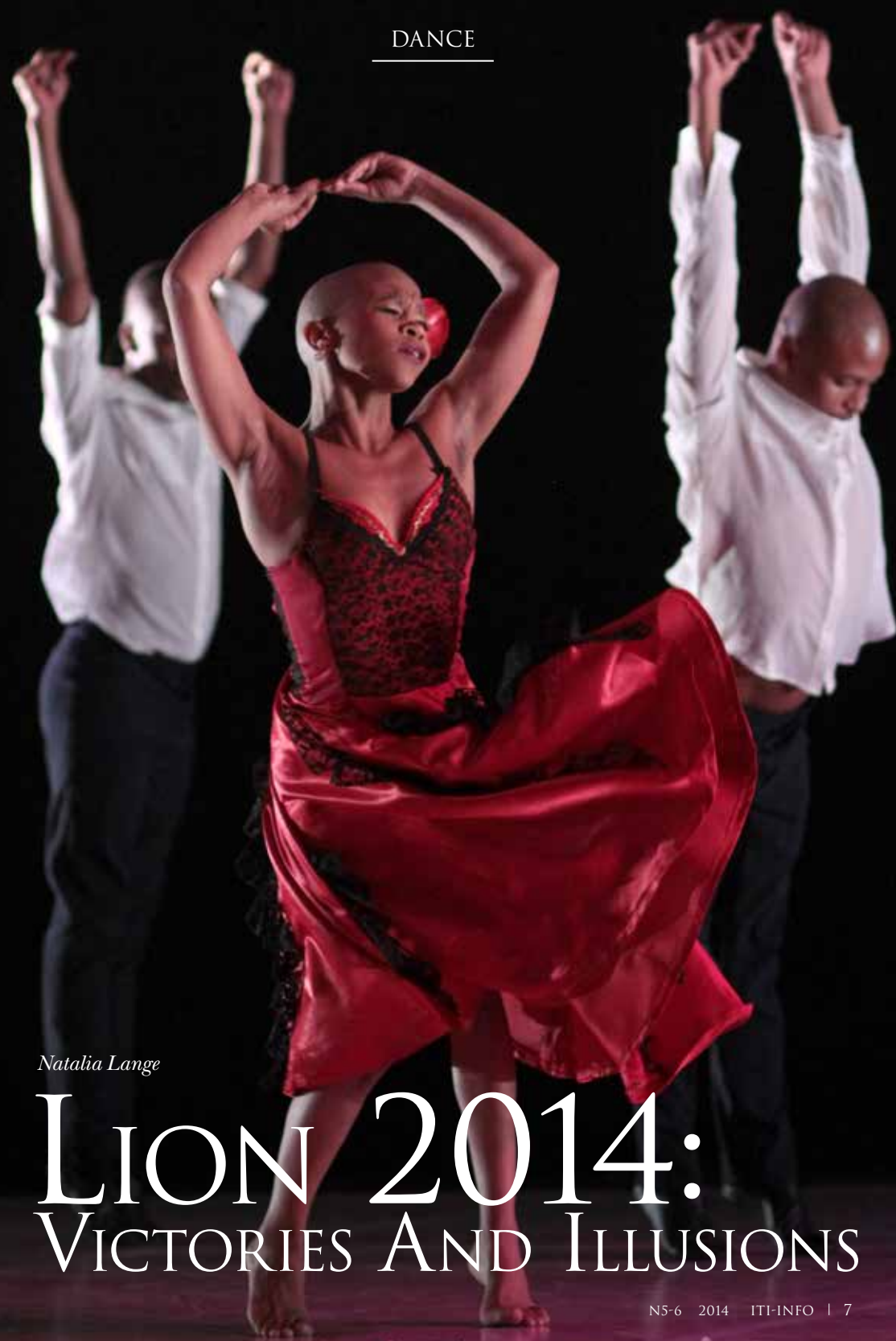
На фоне серьёзного высказывания Маги Марен спектакль Study#3 Уильяма Форсайта и его труппы – прощальный привет выдающегося хореографа, объявившего о роспуске своей

компании. Это ностальгический коллаж и взгляд из настоящего на то, каким был их общий путь. Все артисты и музыканты, исполняющие сцены из постановок разных лет, несут некую печать особого взгляда и отношения к современному танцу, каким его интерпретировал в своём творчестве Уильям Форсайт. Он всегда требовал от тела умения преодолевать гравитацию, а от интеллекта – умения играть, по-детски бесстрашно глядя на искусство и реальность. Поэтому артистам Форсайта можно быть немолодыми, можно плохо петь и произносить великолепные в своей абсурдности тексты, сравнимые с монологами героев фильмов Вуди Аллена. Им прощается всё – они являются проводниками идей гениального хореографа, который, возможно, единственный в мире современного танца не боится показаться сумасшедшим. Под аккомпанемент голосов, ритмов, электронных шумов, дыхания и даже храпа (один из самых смешных эпизодов – мелодичный храп, иллюстрирующий сновидения) артисты труппы демонстрируют невиданные возможности человеческого тела. В спектакле много кажущихся импровизаций, но все они точно продуманные и выверенные, как та, в которой старейший артист труппы, 55-летний музыкант рассказывает бесконечную историю о своём приезде в аэропорт и попытке сосчитать людей в очереди перед собой и позади. В этот момент смеющиеся до слёз зрители узнают в рассказчике самих себя. Кому-то такое самовыражение кажется вызывающим и странным, кому-то – мудрым и несуетным. Дело в том, что Уильям Форсайт давно уже всё доказал – и всем, и, главное, себе. И благодаря его присутствию мы не теряем перспективу – прямую и обратную – и имеем возможность связать прошлое с будущим.

Лион – Москва

Фото: Dominique Mentzos

Natalia Lange

LION 2014: VICTORIES AND ILLUSIONS

Photo by John Hogg

Biennale de la Danse – a Festival of Contemporary Dance, held in Lyon, France, is one of the most influential and far-reaching in Europe. The poster of this season boggled the mind with the abundance of events and a variety of styles – from hip-hop, James Thierree’s experiments with movements and plastic, and circus to the works of such luminaries of modern dance, as Maguy Marin, William Forsythe, and Jiri Kylian – too good to be true even for such a grandeur Festival! Even one or two performances of the levels of Maguy Marin’s BiT or Dada Masilo’s Carmen would have made the Festival an unforgettable event. But there was much, much more than that there!

Black dancer from SAR, Dada Masilo – a student of European schools of contemporary dance – was fascinated with the Carmen directed by great Swedish choreographer Mats Ek when she was still a young girl. Having absorbed some ele-

ments of the flamenco style, she managed to stage such an innovative version of Carmen that even most sophisticated aficionados of dance were watching it on the edge of their seats, trying to catch the subtle nuance and exciting twists of the story line.

Dada Masilo dances the part of Carmen with the grace that resembles that of a wild animal, with irresistible sexuality, frankness on the verge of cynicism leaving you with a feeling that this is the only true and accurate image of Carmen. Graceful, petite, with long arms and raging body curves, fierce, flexible, cruel, with shaven skull decorated with a scarlet flower, cursing, screaming, forcefully beating with her bare heels on the stage producing a thud, clapping the beat with slap-like sounds, fearless, perverse, cynical, feminine...

The main problem addressed in the show: who dominates – man or woman?

The intrinsic savage grace of black dancers is irresistible. Jose is the only white among them, and it subconsciously refers the audience to West Side Story. A women

dance in colorful skirts is precise, simultaneous, and explicit and is followed by a love duet of Jose and his bride to the tune of “Habanera.” A brutal male dance resembles the street dance, and the entrance of a prostitute onto the stage looks very natural.

And in this setting Carmen seduces Jose and, provoking him, hands him a rose. At first, he almost rudely turns her down. But Carmen, teasing, enticing, and playing gets it her way: a long, smooth, insanely beautiful copulation of lovers occurs – bodies intertwine in dance, arms and legs wrap around each other’s bodies, their skins fuse.

And then he rejects his bride, who is searching for him in his barrack, fighting off sexual advances of the soldiers.

Carmen’s game is simple and cynical: having gotten the desired, she loses any interest in the victim. Then, she begins hunting a slender, young Torero, whose sexuality is clearly not a match for her. He gracefully handles his cloak and hides under it with Carmen. Jose desperately tries to win her back, but gets only a rose thrown in his face in a fit of temper. The black clan casts out the stranger.

And then, choreographer offers the most logical and reliable development of the story line: to prove his superiority and take revenge for the insult, Jose cruelly and desperately, to the blows and sobs, rapes Carmen, knowing that there is an irretrievable defeat in his violent act. The assessment of male psychology is absolutely accurate here: it is more than Jose can bear – to just let Carmen go. But the white man pays dearly for the illusion of victory: Torero challenges him and Jose dies in this theatrical and unnatural duel asking for the forgiveness of the abused women.

And it does not even cross the minds of the audience to challenge the final scene.

Equally strong impression leaves a new opus by Maguy Marin – BiT (the title refers to the unit of measurement of volume of information – bit) – with just a few characters engaged, it is profound in all respects. The

director addresses tragic contradictions of life, crisis of relationships, deterioration of moral values, and the hopelessness of the world...

Maguy Marin makes the performance almost grotesque.

At first, the dance resembles a hybrid of the Greek Sirtaki and a Jewish dance, but then the tempo is getting faster, the rhythm more frenzied and tough, movements up and down the sloping planes riskier and more abstract. Taking off decent clothing piece by piece, actors gradually undress and begin their interaction that allegorically describes everything that poisons modern humanity: indifference, cruelty, consumer attitude to the world and man in this world, cynicism, violence, and greed.

Maguy Marin’s production (despite its rather ascetic form and ideological acuity) expresses her attitude to all mortal sins, and her intention to emphasize their indestructibility. Rhythmic dance of actors dressed in casual outerwear gives way to an allegory – naked

Photo by Jean-Louis Fernandez

bodies draped in pieces of fabric, as in the Michelangelo's paintings of the Last Judgment, slowly slide down wooden decking.

But this almost poetic scene evolves to a frenetic orgy where everyone is involved in intimate relations with everyone – men with women, men with men, women with women. The idea of the promiscuity through which all mankind is tied up like by blood, is not new, but eerily convincing. Maguy Marin has no taboo subjects, whether it be sex, politics, or religion. Perhaps, representatives of the Catholic Church get the lion's share of her criticism.

Monastic robe hides depraved bodies and souls: at first, a stream of gold coins rolls down the boards, then priests "dive" in it, then they indulge in the pleasures of the flesh – there is no truth on earth, but there is no truth in the Highest either. Couples that came out of nowhere spin the threads of life, and couples in cocktail dresses and tuxedos, getting tangled in their clothing and stumbling in shoes with heels, climb up the inclined planes.

Slow movements are in contrast with the insistent rhythm of the music. Tireless dancers, having reached almost the ecstatic state, climb to the summit of the platform and descend from its top in the black abyss in turns. Thus, Maguy Marin leaves no chance to mankind.

Study #3 by William Forsythe and his troupe is, to compare to the no-nonsense statement made by Maguy Marin, a farewell of an outstanding choreographer, who has announced the dissolution of his

company. This is a nostalgic collage and a flashback to their common path from the standpoint of the present day. All actors and musicians performing scenes from the plays released in different years are united by an impress of certain view and attitude toward the contemporary dance, the way William Forsythe interpreted it in his works.

He always demanded that the body would be able to overcome gravity, and the brain would have the ability to play in a child-like manner, fearlessly observing the art and reality. This is why Forsythe's actors do not have to be young or sing in tune, but at the same time recite magnificent in their absurdity texts comparable with the monologues of characters from Woody Allen's films.

They are granted forgiveness for anything because they are just the messengers, presenting to the world the ideas of the brilliant choreographer, who, perhaps, is the only one in the world of modern dance not afraid of being considered crazy. Accompanied by voices, beats, electronic noises, breathing, and even snoring (one of the funniest episodes – a harmonious snoring illustrating dreams) actors of the troupe demonstrate incredible abilities of the human body.

It seems that performance is loaded with improvisations, but they all are precisely designed and carefully verified, like the one, in which the oldest dancer of the troupe, a 55-year-old musician, tells an endless story about his arrival at the airport and his attempt to count the people in the queue in front and behind of him. At this point, the audience laughing to tears recognizes themselves in the narrator's story. Someone would consider such self-expression to be strange and daring, while another – wise and laid back.

The fact is – William Forsythe proved everything long time ago to everyone, and, more importantly, to himself. And thanks to his presence, we see the perspective – parallel and inverted – and are given an opportunity to link the past with the future.

Lyon - Moscow

Photo by B. Lebreton

Photo by John Hogg